

II. Контекст, развитие и значение Евромайдана: краткие наблюдения и толкования (5)

Андреас Хайнеманн-Грюдер

Разрядка, сдерживание или смена режима? Уроки украинского конфликта для внешней политики Германии и Евросоюза*

Какие факторы определяют российскую политику по отношению к Украине, ЕС, США и НАТО и какие политические выводы можно сделать на этом фоне? Нынешняя политическая система России похожа по своей таинственности на советскую систему и это возбуждает разные интерпретации, спекуляции и проекции собственных желаний у внешних акторов. Эмоциональная мобилизация международных обозревателей из-за непровозглашенной войны в Украине противодействует аналитическому подходу. Российские и западные политики, в том числе и

* Статья является сокращенным переводом более подробного немецкого очерка, опубликованного в журнале *Osteuropa* (2015. № 4). Она продолжает серию ранних статей *Форума* на тему отношений между Германией и Восточной Европой: Умланд А. Берлин, Киев, Москва и новые подводные газопроводы: немецкая геоэкономика в лабиринте российско-украинских отношений // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2012. Т. 9. № 2. С. 281-300; Макарычев А. Германская политика на востоке Европы: дебаты о нормах и нормализации // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. Т. 10. № 1. С. 335-362; Буркхардт Ф. Неопатримониализация вместо модернизации: политика Германии в отношении России и «откат» // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. Т. 10. № 2. С. 387-399; Мишке Я., Умланд А. «Нет выхода без России»? О возвращении Франка-Вальтера Штайнмайера в МИД Германии и будущем политики Берлина по отношению к Украине // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. Т. 10. № 2. С. 400-404; Буркхардт Ф. Освещение кризиса в Украине в немецких ток-шоу // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. Т. 11. № 1. С. 404-417; Берендс Я.К. Конец Ostpolitik: критика «особого пути» восточной политики Германии // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. Т. 11. № 2. С. 421-423; Хокк А. Влияние российских политиков и идеологов на правые структуры в Германии // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2015. Т. 12. № 1. С. 361-365; Умланд А. Исследуя Третью мировую войну Жириновского: немецкие левые, клеймо «НАТО» и анализ постсоветской России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2015. Т. 12. № 1. С. 366-373; Умланд А., Хертель А. Современные украинские реформы в их историческом и международном контекстах // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2015. Т. 12. № 2; Умланд А. Заблуждения западных апологетов Путина: пугало «русофобии» и внешняя критика нынешнего руководства Кремля // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2015. Т. 12. № 2. Некоторые положения статьи не соответствуют мнению редакции – прим. ред.

немецкие, провозглашают свои специфические амбиции в отношении Восточной Европы, но трудно определить, как взаимодействуют эти сигналы, предположения, акции и реакции.

В публицистике и научной литературе содержатся разные толкования причин украинского конфликта. Для одних авторов – это результат геополитики, проводимой экономическими, военными и медийными средствами, и следствие нарушения баланса сил великих держав. Другие авторы толкуют конфликт как кульминацию авторитаризма в России, как выражение восстановления или, наоборот, упадка России как великой державы. Другие считают, что мы наблюдаем беспощадную войну идентичностей или коллапс украинской государственности. Эти и другие односторонние объяснения по-своему последовательны, но вряд ли охватывают весь комплекс предпосылок столкновения.

В конфликте вокруг Украины бесспорно речь идет о разных восприятиях отношений сил и международных норм поведения. Украинский конфликт отражает глубокий кризис коммуникации между политическими системами России, США и ЕС. Эскалация конфликта выявляет также обоюдное недопонимание ожиданий другой стороны и недостаточное осмысление последствий собственных действий, как и отсутствие механизмов воплощения в жизнь норм международного права. Тем не менее, все это также не означает, что этот конфликт базируется только на проблемах восприятия и коммуникации.

Высказывания президента Путина не всегда облегчают понимание его намерений. С одной стороны Путин выступает как сторонник международного права, с другой стороны «злодеяния» Запада (как войны в Косово и против Ирака или силовая смена власти в Ливии) служат в качестве оправдания подобного поведения России. То есть, с одной стороны, Путин выступает в качестве защитника международного права и человеческих ценностей, но, с другой стороны, он демонстративно позирует как представитель великой державы с правом на свои зоны влияния и на вмешательство во внутренние дела, как бы, ему подопечных стран. В качестве объяснения путинского подхода четыре парадигмы влияют на дискуссию на западе: наступательная версия, оборонительная версия, ситуативная интерпретация и истолкование на фоне авторитарного режима в России.

Наступательная версия

Исходя из теории неореализма, анархия, эгоистическая политика великих держав, недоверие, верховенство обеспечения выживания режимов и стратегических интересов определяют международные отношения. Следуя теории неореализма, украинский конфликт является отражением конкуренции между ЕС, НАТО и Россией за контроль постсоветского пространства, а также и конца монополярного мира – одним словом, он является кульминацией соперничества последних 15 лет. Такие «наступательные» интерпретации соглашаются в том,

что Россия хочет изменить статус-кво международных отношений, что она ведет экспансионистский курс и что она больше не заинтересована в возможных выгодах от кооперации с Западом. Следовательно, причина конфликта России с Западом не в неправильно избранных стратегиях и средствах, а в несовместимости целей двух сторон.

С этой точки зрения Путин эксплуатирует отсутствие дееспособной внешней и оборонной политики ЕС, трения в отношении между ЕС и США и небрежное отношение НАТО к безопасности стран, не являющихся членами альянса. Некоторые историки и политологи толкуют политику Путина как имперскую. Но империя означает военный контроль или косвенную гегемонию. А планы для восстановления Советского Союза у Кремля вряд ли существуют, несмотря на использование русскоязычных жителей в «ближнем зарубежье» для внутренней интеграции Российской Федерации.

Согласно «наступательной» интерпретации, политика России отражает подъем новых держав, которые намерены свергнуть гегемонию США на международной, экономической, финансовой и силовой арене. Новая ориентация России на Азию как бы свидетельствует о возрождении многополярного мира. Используя теорию неореализма можно объяснить поведение Российской Федерации международной анархией и связанными с ней опасностями, а также и ограниченной мощностью крупных держав. «Наступательная» интерпретация во многом соответствует официальным мировоззренческим установкам внешнеполитических элит России, но она не объясняет, почему именно теперь путинский режим поменял ранний кооперативный курс на конфронтацию, насколько жизнеспособна альтернативная азиатская ре-ориентация России и за что, в конечном итоге, Россия хочет взять реванш.

Оборонительная интерпретация

Исходя из «оборонительной» версии теории неореализма Путин своей внешней политикой отреагировал на изначальную экспансию Запада – на расширение НАТО и ЕС, на свержение режимов извне, на неуважение к российской безопасности и московским сферам интересов. Путин якобы берет пример с изначального неуважения международных норм со стороны Запада. Украинский конфликт, в русле этого объяснения, является результатом первичной переоценки собственных сил со стороны ЕС, НАТО и США. Российская политика хотела не менять статус-кво, а его сохранить, спасти собственный статус великой державы, а также создать баланс сил между США и государствами БРИКС. В конечном итоге Запад, таким образом, несет ответственность за поведение Путина. Согласно «оборонительной» интерпретации, цели России в Украине ограничены – предотвращение украинского членства в НАТО, основание зависимых режимов в Кры-

му и Донбассе как постоянных инструментов для возможной дестабилизации украинского государства.

«Оборонительная» версия сильна тем, что она обращает внимание на взаимодействие разных игроков международных отношений, но она принимает восприятие угрозы со стороны российского государства как факт, а не как акт выбора. Однако аргументы в пользу оправдания акции России как реакции на некое исключение со стороны Запада неубедительны. Россия – член Совета Безопасности ООН, была членом группы Большой Восмерки и имела или до сих пор имеет разнообразные возможности представить свои интересы на других международных форумах. Россия не хотела стать членом НАТО и Евросоюза или, хотя бы, ассоциированной с ЕС страной – как же она тогда может «расстраиваться» из-за ее исключения?

«Оборонительная» версия аргументирует слишком абстрактно, игнорирует реальный ход событий и носит явно апологетический характер. Она не объясняет, как в Москве калькулировали риски и последствия собственного поведения. Она также молчит о том, как Запад должен был себя вести, чтобы предотвратить российский захват Крыма и поддержку сепсессионизма в Донбассе. «Оборонительная» версия также не объясняет время принятия судьбоносных решений в Москве.

Ситуативное толкование

Достоверные сведения о долгосрочном генеральном плане насчет захвата Крыма и поддержки сепсессионизма в Донбассе (пока) отсутствуют, но первые признаки подобных идей появились с сентября 2013 года, т.е. до Евромайдана и за полгода до начала военных действий. Бывший советник Кремля Глеб Павловский объявил, что генеральный штаб задолго, т.е. за несколько лет до аннексии Крыма, разработал подобный план.

Один из первых официальных сигналов о возможной аннексии Крыма подал Сергей Глазьев во время встречи украинских, европейских и российских политиков в Ялте в сентябре 2013 года. Москва может вмешаться в ситуацию пророссийских регионов, грозил Глазьев, если они этого потребуют. Но, судя по обстоятельствам, окончательное решение об аннексии Крыма было принято в связи со свержением украинского президента Януковича. Совет Безопасности России заседал 22-го и 23-го февраля 2014 г., чтобы обсудить «возвращение» Крыма. При принятии решения Путин и Совет Безопасности, по всей видимости, исходили (правильно) из того, что Запад не готов противодействовать, так как он боится военного конфликта больше, чем Россия.

Радикализация внутренней политики

Объяснения украинского конфликта, базирующиеся на интерпретации внутренней динамики российского режима, предполагают, что кризис авторитаризма в России лежит в корне противостояния. Агрессивное поведение Путина с этой точки зрения было (и есть) попыткой отвлечь внимание российского населения от структурных причин упадка российской нефтяной экономики и от соответствующих упущений экономической политики Путина с 1999 года. Путин и его «силовики» проводят своего рода «профилактическую» контрреволюцию, чтобы предотвратить еще один Майдан в России и чтобы интегрировать общество посредством шовинистского национализма.

* * *

В зависимости от доминирующей интерпретации соперничают три принципиальных подхода к политическому реагированию на возникшую напряженную ситуацию: (а) политика разрядки, (б) военное сдерживание или (в) смена режима. Политика разрядки объясняется необходимостью предотвращения дальнейшей эскалации. С гуманитарной точки зрения контроль над динамикой вооруженных столкновений бесспорно нужен. Дипломатия лучше, чем война. Политика разрядки частично готова смириться как с российским применением силовых методов, так и с неуважением суверенности украинского государства и международного права Москвой.

Но проблема в том, что когда Россия требует от Запада «невмешательства» во «внутренние дела» Украины, она сама претендует на такое право. За предлогом обязательства к невмешательству стоит не забота о международном праве, а стремление оградить от критики и демократизации постсоветские авторитарные и коррумпированные режимы. Таким образом, потенциал дипломатии заканчивается там, где переговоры, соглашения и компромиссы де-факто содействуют подрыву международных норм.

Стратегия военного и другого сдерживания исходит из того, что одной дипломатии не хватит, что Путин ненадежный партнер для переговоров, что Украина имеет право на самооборону и что урок вооруженного конфликта заключается в том, что Запад должен активно противостоять агрессии России. Политика сдерживания могла бы означать как создание международной миссии в Восточной Украине, так и международную защиту украинских границ и поставки оружия для Украины.

Опасность дальнейшей эскалации является главным аргументом против политики сдерживания – это классическая дилемма безопасности. Но, с другой стороны, отсутствие политики сдерживания делает применение оружия для России менее затратным и рискованным. Поэтому кажется очевидным, что без примене-

ния инструментов сдерживания, таких как экономические санкции против России, военной помощи для Киева и гарантий территориальной целостности Украины и других постсоветских стран, повторение украинского сценария, например, на Кавказе или в Центральной Азии, не исключено.

Самая дальновидная политика заключается в поддержке тенденции к изменению политического режима в России. Но предпосылки для этого должны расти изнутри. Самозащита авторитарного режима несет, в том числе, опасность радикализации вплоть до частичной или даже полной фашизации, аналогичной процессам в некоторых центрально-европейских странах в 20-ых и 30-ых годах XX века. Коренное изменение режима в России, а значит демократизация – это предпосылка для настоящего партнерства. Но оно станет вероятным только тогда, когда российская общественность снова обратит внимание на дефициты собственного режима, а не на сплочение против вымышленного внешнего и внутреннего врага.

Уроки для европейской и немецкой политики в отношении России

Можно извлечь как минимум три очевидных урока из украинского конфликта. Во-первых, до украинского конфликта отношения ЕС-Россия основывались на исключении Москвы – в основном, по ее же вине – из т.н. Политики европейского соседства (ENP) и, одновременно с этим, на надежде на долгосрочное сближение их политических и экономических систем. ЕС и особенно Германия пытались мягким, «партнерским» воздействием влиять на Россию. Несмотря на множество уже ранее одиозных сигналов из России, как, например, речь Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года, в восприятии европейцев от нее не исходила опасность. Война в Грузии должна была послужить предупреждением о предстоящей борьбе за зоны влияния, тем не менее, особенно немецкая риторика «партнерства» и «модернизации» продолжалась.

Но конфликт с Россией носит геополитический и даже цивилизационный характер – это борьба за свободу выбора, в том числе политического режима и экономической и военно-политической интеграции, для постсоветских стран. В конфликте с Россией компромиссы возможны, но только тогда, когда ЕС одновременно будет последовательно отстаивать свои интересы и подкреплять свои политические декларации существенными финансовыми и экономическими вкладами в будущее Украины. Вопрос достоверности надежности ЕС как международного игрока сегодня решается в Украине.

Во-вторых, ЕС должен четко определиться на счет конечных целей своей политики «Восточного соседства», чтобы другие партнеры в постсоветском пространстве знали, чего они могут ожидать от ЕС. В-третьих, до украинского конфликта профилактика военных действий считалась преувеличением и худшим сценарием, а аннексия Крыма являлась запретной темой. С подобной политиче-

ской наивностью надо закончить. Будущее предупреждение и урегулирование конфликтов в постсоветском пространстве требует постоянного мониторинга военных действий и подготовленного списка политических и экономических санкций и военных противодействий, чтобы любой агрессор или политический актер, нарушающий свои договоренности, заранее знал, что его ожидает в случае грубого неуважения международных норм.